

поддерживалось как князем Ярославом, так и его преемниками, причем в этом почитании выделялась политическая сторона, которая и стала главной или даже единственной. Борис и Глеб стали признанными покровителями киевских, затем вообще русских князей, их воинских предприятий, небесными покровителями и защитниками Русской державы.

Можно с уверенностью предполагать, что указанные представления отразились в том образе святых князей-братьев, какой был вложен в древнейшие их изображения.

Киевских икон Бориса и Глеба, существование которых устанавливается с несомненностью,³⁶ до нас не дошло. Справедливы предположения о том, что непосредственное отражение их в смысле воспроизведения образа, а может быть, и композиции, донесли до нас памятники прикладного искусства, южнорусские кресты-энколпионы XI—XII вв. На них тот и другой князь изображены в рост, в торжественных и неподвижных позах, в княжеских одеяниях и шапках, держащими один в правой, другой в левой руке посвященные им храмы.³⁷

Яркое воплощение образов Бориса и Глеба как князей-воинов, представленных во всем величии и силе, находим в памятниках владимиросуздальского и позднее московского искусства.

Представительно, в рост, в роскошных великокняжеских одеждах и шапке, обильно украшенных золотом, с крестом в правой руке и с храмом в левой, на синем фоне под пятилопастной аркой изображен Борис на миниатюре пергаментной рукописи «Слово Ипполита», XII в., принадлежащей, вероятно, к остаткам библиотеки ростовского епископа Кирилла (1216—1230 гг.).³⁸

Еще более выразительный образ видим на широко известной иконе Бориса и Глеба конца XIII—начала XIV в. собрания Русского музея, идущей также из Владимиро-Суздальской земли,³⁹ но воспроизводящей, по-видимому, киевскую традицию (рис. 5). Здесь на сияющем золотом фоне, без реальной поземы, представлены две величественные фигуры, стоящие в ряд строго фронтально, обе в парадном княжеском наряде — цветных кафтанах из богатых иноземных тканей, с изображениями геральдических птиц и зверей и еще более богатых плащах-корзно, затканых или вышитых у одного серебром, у другого золотом. Украшенные жемчугом и цветными камнями пояса и каймы одежд, красные сафьяновые сапоги и шапки с меховой опушкой дополняют великолепный наряд. В правой руке у князей кресты, держимые перед грудью, в левой — мечи. Независимо от того, сохранилась ли портретная традиция, икона заключает в себе все, что было нужно для создания яркого образа идеального князя. Строгий и репрезентативный строй иконы с величайшей наглядностью выражает идею княжеского величия. Именно такое содержание образа было естественным и закономерным для искусства Владимиро-Суздальской земли, преемницы и блюстительницы киевских великокняжеских традиций.

На иконе из московского Успенского собора, относящейся к XIV в., Борис и Глеб представлены в другом переводе — как князья-воины, еду-

³⁶ Д. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. IV. Миниатюры «Сказания» о св. Борисе и Глебе Сильвестровского сборника. — ИОРЯС, т. XV, 1910, кн. 3, стр. 14—15.

³⁷ В. Лесючевский. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. — Советская археология, т. VIII. М., 1946, стр. 241—242.

³⁸ А. Свириин. Древнерусская миниатюра. М., 1950, стр. 23.

³⁹ Собр. ГРМ, № 2117. — П. Нерадовский. Борис и Глеб из собрания Н. П. Лихачева. — Русская икона, т. I. СПб., 1914; История русского искусства, том I. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 500 и сл., цветная вклейка к стр. 502.